

АНАТОЛИЙ
ГРЕБНЕВ

Берег радуги

Библиотека российской поэзии

Анатолий Гребнев

Берег родины

«Маматов»

2008

Гребнев А. Г.

Берег родины / А. Г. Гребнев — «Маматов»,
2008 — (Библиотека российской поэзии)

Сборник стихотворений и поэм Анатолия Гребнева.

Содержание

Чудотворная музыка строк	7
У нас от Бога Родина одна	10
Россия	10
«А сегодня, родная...»	12
Последние жители деревни Русиново	13
Вера	14
«Где ж та удаль, что шла подбоченьясь...»	15
«Желтый блеск молодого жнивья...»	16
Фронтовик	17
«Россия слезы вытирает...»	18
К апологии пьянства	19
«Все же красная звезда...»	20
«А верую твердо я...»	21
Пересвет	22
8 сентября на Куликовом поле	25
Матёра	26
Байкал	27
Забайкалье	28
Фамилия	31
Я тоскую по Сибири	33
Песня сибирских казаков	35
Памятники	36
Восхождение на гору Моисея	37
На Синае	39
Синайский воробей	41
Самоидентификация	42
Родник	43
В суходоле	44
«Там, где июль в лугах бушует...»	45
Эти милые сердцу пределы	46
Колокольчика вятского эхо	46
«И звон прошел по заводам и рекам...»	47
Здравствуй, Родина!	48
Чистополье	49
Раздумья на Родине	50
«Вон парнишка бежит босиком...»	51
Родной электорат	52
Зарисовка с натуры	53
В деревне	54
Письмо другу	55
«Сколько ж можно болтать и стограммить...»	56
«Видно, так все и будет тянуть...»	57
«У костра вкусна уха...»	59
В лугах	60
Забывтое кладбище	61
На берегу пустом...	62

Русская песня	64
«И под каким я ни пребуду небом...»	65
«Небо здесь назовешь небесами...»	66
Если пристально в детство взглядеться	67
«Не в те ль времена Святослава...»	67
Круговорот	69
Ночлег	70
Горох	71
Береза, иволга, звезда	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анатолий Гребнев

Берег родины. Стихотворения

Книга издана при поддержке:

Министерства культуры и массовых коммуникаций Пермского края, нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», Пермской краевой общественной организации «Союз писателей России»

Авторы проекта «Библиотека российской поэзии»: Ильдар Маматов, Александр Кердан

© А. Г. Гребнев, 2008

© ООО «Маматов», 2008

* * *

Чудотворная музыка строк

Время. Как часто сетуем мы на его неумолимую быстротечность. Но, оглянувшись на прошлое, поражаемся тому, что наша память сохранила не дела или поступки, когда-то казавшиеся нам значительными, а интонацию любимого голоса, горьковатый и чистый запах осеннего перелеска и непостижимую тоску по Неведомому, невозможному в нашей земной суетной жизни.

Не оттого ли русская душа так чутка к поэзии, так открыта таинству слова?

Поэт Анатолий Гребнев сохранил в себе способность видеть и слышать сердцем, и оттого слово для него – внутреннее откровение глубоко пережитое и выстраданное.

С самого раннего детства его душа жила «в озарении Креста». Первые детские впечатления, сокровенно запечатленные в глубинах духовной памяти, – это и любящий материнский взгляд, и бескрайнее поле, и высокое небо, к которому устремлялась его душа с колокольни разрушенного сельского храма.

В тех далеких воспоминаниях горького военного детства так много любви и света, что и поныне его сердце находит в них утешение и отраду, воскрешая в нем мгновения, соединявшие его с вечностью.

В творчестве А. Гребнева прошлое неразрывно связано с настоящим, они соединились в одном духовном пространстве, где нет временных ограничений и где минувшее так же реально и живо как и настоящее. В его поэзии обращение к прошлому – это возвращение к своим духовным истокам, к той глубинной первооснове, без которой он невозможен как личность. А личность несет историю в себе самой. И поэтому, о чем бы или о ком бы ни писал поэт: о солдатах ли, погибших в Великую Отечественную, о русских ли ратниках, сложивших головы на поле Куликовом, он пишет о себе:

Я стоял среди многих
в переднем ряду
И, не дрогнув, шагнул
своей смерти навстречу,
Когда треснули копыта,
встречая орду,
И с ордою мы сшиблись,
и ринулись в сечу!

Глубина духовного видения и постижения, присущая поэту, проникновенно и тонко раскрывается в его стихах о природе: он живет в полной гармонии и единения с нею. Душа Анатолия Гребнева была взлелеяна природой. Таинственная связь, соединявшая его с небом и полем, печальным журавлиным криком и облетающим перелеском, рождала в ней нежное и трепетное чувство, возвышенное парение и легкость. Природа стала для него той обителью, в которой он всегда находил и находит умиротворение и покой.

Целомудренное и чистое звучание присуще не только пейзажной, но и любовной лирике поэта. Ее художественная ткань прозрачна и насыщена. В его стихах чувственный восторг соединяется с целомудренным любованием женщиной.

Ты до конца душой близка мне:
Ловлю я в памяти твой взгляд —
И для меня цветы и камни
Понятной речью говорят.

На этой любви лежит отблеск вечного. Она не исчезает, «не перестает быть». В ней трепетность и ласковость земного чувства и светлая, возвышающая душу радость. В соединении с нею – единственной, он обретает свою целостность, возвращается к первозданной гармонии.

Духовный строй поэзии А. Гребнева определяет прозрачность и мудрую простоту его языка. В его стихах звучит живое, искреннее чувство, заставляя нас любить, страдать, восторгаться и радоваться вместе с ним.

Злыгостева Н. И.

У нас от Бога Родина одна

Россия

По колокольной гулкой сини,
По ржанию троечных коней —
Как я тоскую по России,
Как плачу горько я о ней!

По воле той,
По той свободе,
Когда,
Как в спелое зерно,
Природы дух
И дух народа
Сливались в целое одно!

По той, что гибла,
Воскресала,
Кипела,
Пела
И цвела,
Когда в согласьи с небесами
Ее сияли купола.

Тысячелетнее величье
В глухое втоптано былое —
Святой обряд,
Живой обычай,
Ее уклад
И лад ее.

Эй, братья-русичи!
Славяне!
Все, в ком душа еще жива —
Неужто с вами мы завянем,
Как прошлогодняя трава?

Я верю, верю — Невозможно
Таких и нынче перечесть,
Кто любит Родину неложно,
В ком честь
И совесть есть!

И возродить нам хватит силы,
Соединившись на краю,

Из разроссиенной России,
Россию кровную свою!

1991

«А сегодня, родная...»

А сегодня, родная,
И горе – уже не беда,
Если выжить смогли мы
В таких переделках крошечных.
Эту мертвую землю
Разбудит живая вода,
И апрельские птицы
Отыщут заветный скворечник!
И прольются опять
Благодатью чудесной дожди,
Мы оплачем с тобой
Всех, кто был изведен понапрасну.
Неспроста
Нас всегда ненавидели смертно вожди,
Потому что не им,
А земле мы издревле подвластны.
Но простили мы нелюдям всем,
Как прощали всегда,
И блаженны в своих побуждениях
Безгрешных:
Вслед за солнечным плугом
Струится,
Дымясь,
Борозда,
И влюбленные птицы
Опять обживают скворечник!

1991

Последние жители деревни Русиново

(Картина Виктора Харлова)

Живописец, волшебник, спеши,
Для души моей стань исцеленьем:
Уголок деревенской глуши
Сохрани для потомков нетленным!

Пусть останутся – хоть на холстах! —
В тихой скорби крестьянские лики.
Жизни нет им в родимых местах,
Места нет им в России великой.

На былое поставили крест.
Рвутся корни крестьянского рода.
И в прозрачной печали окрест
Замерла золотая природа.

Воцаряется вечный покой
Там, где жизнь бушевала издревле.
Покидают деревню с тоской,
Поневоле бросают деревню!

Что в ней делать тебе одному?
Полевые захлопни воротца
Перед всем, что уходит во тьму
И уже никогда не вернется!

1984

Вера

*Меня всё терзают грани
Меж городом и селом...*

Н. Рубцов

Ну какое стирание граней,
Если нечего больше стирать,
Если город деревню ограбил,
Словно сын простодушную мать!

Черным смерчем по милым пределам,
Лад старинный пустив под откос,
Пролетело, как змей, просвистело
Смертоносное слово «КОЛХОЗ»!

Самодурствуя до одуренья —
Змей Горыныч крестьян не любил! —
Закогтил он царевну-деревню,
Изнахратил ее загубил.

Ни гармошки нигде, ни частушки —
Будто вымерло всё на земле.
Друг за дружкой избушки-старушки
В первобытной скрываются мгле.

...Где-то в поле,
Как русская песня,
Заплутала надежда моя.
Верю я, что деревня воскреснет!

Верю я,
Верю я,
Верю я...

2008

«Где ж та удаль, что шла подбоченясь...»

Где ж та удаль, что шла подбоченясь?
Где ж те песни, что чудились мне?
Почему как последний лишенец
Прохожу я по отчей земле?

Почему на земле этой древней
Торжествует по-прежнему зло?
Так же грабят и гробят деревню,
Так же грабят и гробят село!

Те же древние страхи и страсти —
Как бы завтра вконец не пропасть.
Так же рвут горлопаны на части
Трижды клятую пахарем власть.

Об утратах почти не жалея,
Постою у старинной межи.
Ничего нет на свете милее
Безыдейного шелеста ржи!

1994

«Желтый блеск молодого жнивья...»

Желтый блеск молодого жнивья
Посреди августовского поля.
Русь, Россия,
Отрада моя,
Небывалая песня и доля!

Только ветер твой мерил простор,
Где сливается с небом дорога.
И в груди не проходит восторг,
Не стихают любовь и тревога.

Это, видно, осталось в крови
От славянских задебренных былей —
Чтоб мы помнили земли свои,
Берегли,
 устрояли,
 любили.

Чтоб на самой последней меже
Перед взглядом родного простора
Совестливой сыновней душе
Не услышать глухого укора.

1974

Фронтовик

И соседи давно уж не рады —
Снова сдвинулся Ванька, дурит:
Он костер разжигает в ограде
И кричит: «Севастополь горит!»

Урезонивать Ваньку без толку,
В этот час его лучше не тронь.
В белый свет он палит из двустволки
И орет: «Батарея, огонь!»

Он крушит, что попало, неистов,
По команде «В атаку! Вперед!»
Разобьет подчистую фашистов
Севастополь России вернет...

Успокоится,
Баньку истопит.
Но, друзей вспоминая, твердит:
«Севастополь родной, Севастополь...
Слышишь, друг, —
Севастополь горит»!

2000

«Россия слезы вытирает...»

Россия слезы вытирает,
Свои теряя рубежи.
Уходят в землю ветераны —
В могилы, словно в блиндажи.

Их не болезни подкосили —
России попранная честь.
Ведь то, что сделали с Россией
Они не силах перенести!

И если мы за Русь не встанем —
Они из тьмы следят-глядят —
Восьмиконечными крестами
Врагу дорогу преградят!

2001

К апологии пьянства

1

В глухом желании запить —
Не грусть – тоска по райским кушам:
Как к горлу нож – одно – забыть,
Забыть о Времени бегущем!
Но вот запой сбавляет ход,
И в сумерках скрежещет опыт:
Очнувшись,
Время
Твой уход
Еще безжалостней торопит!

2

В глухом желании запить
Еще такая подоплека:
Я не могу тебя забыть,
А ты, любимая, далеко.
Когда увидимся —
Бог весть!
Да и возможно ли сближение?
Но выход, слава Богу, есть —
Залить вином воображение.

3

В глухом желании запить —
Притихни, сердце, не пульсируй! —
Мне этой боли не избыть:
Что сотворили мы с Россией!
Я по стаканам разолью —
За Русь, друзья!
Тоску развеем.
А грянет клич – в стальном строю
Мы моментально протрезвеем!

1999

«Все же красная звезда...»

Все же красная звезда,
Сколько раем ни манила,
Древней святости креста
Для души не заменила.

Божий мир от крови ал,
Захлебнулся в переделе,
Но все дальше идеал
От развенчанной идеи.

Только верю:
Час грядет —
Как бы ни был оболванен,
В массах вызреет – НАРОД,
А в колхознике – КРЕСТЬЯНИН.

Искушенная душа
Светом истины объята.
И проклятого ножа
Не поднимет брат на брата.

И любовью да трудом
Превозможет мрак насилия
Осененная крестом,
Возрожденная Россия!

1992

«А верую твердо я...»

А верую твердо я,
братья-славяне:
Сойдемся когда-нибудь мы на майдане,
Да весело в очи заглянем
друг другу,
Да полную братину
Грянем по кругу —
За матушку-Волгу!
За Днепр!
И за Припять! —
Давно уж по-братски нам
надо бы выпить
Да вспомнить со вздохом
Вчерашние были,
Когда мы великой державою были,
И снова воскресли
в славянских границах.
(Вот крови напрасной зачем было литься?)
Глаголом, и верой,
И родом едины,
Мы поняли: вместе мы —
непобедимы!
И славой опять закружится дорога
Испытанных битвами внуков Стрибога!
И грозные в небе замолкнут
перуны.
И песню ударят Бояновы струны!

1997

Пересвет

Уже пал к этому часу в схватке с Челубеем Пересвет, могилу которого в Симоновом монастыре в Москве мы никак не можем освободить из-под ига завода, чтобы поклониться ей...

В. Распутин. «Куликово поле»

Становясь постепенно Россией,
Русь, державные права дела,
Неспроста
Имя кровного сына
Сквозь века в самом сердце несла.

В неизбывном ее постоянстве
Благодарности вечной обет.
Бьет навывлет из далей славянства
Слово – гром, слово – свет —
Пересвет!

Это он, осенив победивших
Правотой необорной, как Бог,
Смерть приняв, богатырь-поединщик
Русским ратям победу предрек.

И звенит с той поры неослабно,
Как торжественной скорби привет,
Вместе с отзвуком боли —
Ослябя —
Колокольной волной —
Пересвет!

И народ на Руси без изъятья
Отплатил им любовью святой.
Шесть столетий крестовые братья
Неразлучны под общей плитой.

Шесть столетий не ведает срама
Слава их, понадежней брони.
Тишину надмогильного храма
Заслужили по праву они.

Заслужили они поклоненье:
В час глухой покаянно скорбя,
К ним текли чередой поколенья,
Их судьбой поверяя себя.

На тернистом пути обретений,

На заносах его роковых
Не безгласны минувшего тени,
Как бессонная совесть живых.

Но ведь было же в прошлом недавнем:
Нам упорно старались внушить,
Что история наша бесславна
И не стоит ее ворошить,

Чтоб, к бегущему дню приспособясь,
Голос истинной правды угас,
Задремала народная совесть,
Память крови отшибло у нас;

И в мечтах о прекрасном грядущем
Впопыхах мы успели забыть,
Что не вырасти саду цветущим,
Если корни его подрубить.

Нет! В заботах о завтрашнем севе
Надо нам не зевать – успевать,
Чтоб и сметь не смогли фарисеи
Ложью наши поля засеять.

Нет! Пусть время смертельно торопит —
Оглянись и постой на меже,
Чтобы свой исторический опыт
Оценить искушенно уже.

И в движении к намеченной цели
Уловить световодную нить:
Всё вернуть, что порушить успели,
Что осталось – сберечь-сохранить.

Да не будут поруганы святость
И величие нашей земли!
...Запоздалой виной виноватясь,
К Пересвету мы с другом пошли.

Шли, хоть знали давно и подробно,
Что могила его не в чести,
Что втихую сумели надгробье
Над святым погребеньем снести,

Что в чаду индустриальной нагрузки,
Перейдя святотатства предел,
Над великой святынею русской
Многотонный компрессор гудел.

В лязге-грохоте память заглохла,
Воцарилась бездушья тоска...
С хмурым тщаньем товарищ из ВОХРа
Проверяет у нас пропуска.

Но нельзя нас, как раньше – хоть тресни! —
Завернуть, не пустить, застращать.
– Мы, товарищ, пришли на воскресник!
Подпись есть и на месте печать.

Ты открой нам железные дверцы,
Придержи бесполезную злость.
Здесь не мало нас, единоверцев,
Не со всей ли России сошлось!

Брошен клич ратоборцами духа:
Запустения вычистить хлам,
И вернуть, и поднять из разрухи
Воскрешающей памяти храм!

Мы свободу и веру обрящем,
Выступая на битву со злом.
И копьем Пересвета разящим
Я вздымаю карающий лом!

Рубят рядом кирка и лопата,
И челночно носилки снуют...
И опять озарила лампада
Пересвета последний приют.

И на миг в полумраке неясном
Фитилек защитила ладонь,
Чтоб уже никогда не погаснул
Нашей памяти
Вечный огонь!

1983

8 сентября на Куликовом поле

Как тогда, смутный день
из тумана встает,
И далеко окрест —
от Непрядвы и Дона —
За волною волна
по России плывет
Торжество и печаль
колокольного звона.
Только русскому сердцу
услышать дано
Этот звон, заглушивший и плач,
и молитвы!
Он разбудит и тех,
кто не слышит давно,
Кто упал и уснул среди грохота битвы.
Я стоял среди многих
в переднем ряду
И не дрогнув шагнул своей смерти
навстречу,
Когда треснули копья,
встречая орду
И с ордою мы сшиблись,
и ринулись в сечу!
Я среди ратников павших
остался во тьме.
Но с отрадой в сей день,
звуку жизни внимая,
Зрю не ханский шатер —
Храм на Красном холме,
Где следов не отыщешь
поганных Мамая.
Лишь полынь по Непрядве,
как память, горька,
Да колюче кустится
татарник кровавый.
И над полем, как ветер,
Летит сквозь века
Этот звон
Никогда не смолкающей славой.

1980

Матёра

Валентину Распутину

Прислушайся к душе —
Она еще живая,
Она не умерла
В разврате и вине.
Саму себя храня,
Саму себя срывая,
В молитвенной она
Страдает глубине.
Там тайная страна.
Там Русь
— твоя Матёра.
Славянами, как встарь,
Заселена она.
Сияет солнце там
Средь вечного простора,
И недругам она
На откуп не сдана.
Сияет солнце там,
И, взгляд куда ни брось я,
Ухожена земля,
Куда ни обернусь.
Под колокольный звон
Качаются колосья,
И молятся в скитах
Святители за Русь.
Пусть нынче на Руси
Пирья справляет нерусь
И сатанеет зло,
Наглея всё сильнее, —
Россия-Русь моя,
В тебе я не изверюсь —
Еще восстанешь ты
Во всей красе своей!
Не сломен русский дух!
Ты, в нем найдя опору,
Сама распорядись
Державною судьбой!
Прислушайся к душе,
Открой свою Матёру.
Проснись, родной народ,
И стань самим собой!

2004

Байкал

Ты не это ли чудо искала,
По земле и по небу кружа?
В голубое безбрежье Байкала,
С ним сойдясь,
Ты взлетала, душа!
Узнавала родное с восторгом,
Обнимая, как чайка, волну,
К поднебесным
 рванулась просторам,
Содрогаясь, вошла в глубину.
Слава Богу, что снова я ожил.
Встав под ветер,
 вздымающий вал,
Будто здесь я
Всю жизнь свою прожил,
Хоть я здесь никогда не бывал.
Гул глубин,
 что меня переполнил,
Звоны-вызвоны,
 внятные мне,
До меня долетали
 я вспомнил!
В материнской моей стороне.
Светом снежных
 вершин осияны,
Далеко и вблизи от меня,
Словно вечность,
 застыли Саяны,
Это чудо живое храня.
Ты нашла,
 что так долго искала,
Не напрасно
 мытарства верша:
Ты с мятежной душою Байкала
Обручилась навеки, душа!

2002

Забайкалье

Михаилу Вишнякову

1

Внезапно в судьбе возникая,
Я знаю, совсем неспроста
Полынный простор Забайкалья
Ворвался в меня
Навсегда —
И Нерчинским трактом, и тропкой,
Лугами с былинкой любой,
Кровавой ордой кровохлёбки,
Листвянкой, как дым, голубой.
Ещё непривычна для глаза,
Обжитая Русью давно,
Земля азиатская
Сразу
Казалась своей всё равно:
Берёзкой
 и говором улиц,
И песней
 такой пастуха,
Что сопки вдали
Развернулись,
Как синей гармонии меха!
И как возле отчего дома,
Отрадой для сердца живой,
Шум жита
 в степных суходолах
Катился волна
 за волной.
В краю, где за дымкою мгlistой
Текли Чингисхановы тьмы,
Где дух бунтарей-декабристов
Витает в руинах тюрьмы;
Где нынче
Сквозь чащи и скалы,
Сквозь всю первобытную даль
От берега седого Байкала
Ведут на Восток магистраль —
В какие великие встряски,
В года переломов каких,
Из курских, воронежских, вятских
И прочих людишек лихих

В горниле суровой природы,
Кремневой закалкой крепки,
Особой, сибирской
 породы
Явились на свет мужики!
И где бы теперь ни носило,
Но ясно, как день,
Для меня;
Мы все у родимой России
По кровному счету —
 Родня.

2

На стрежень воронки уходят,
Покоя не знает вода.
Не наши ли быстрые годы
Уносишь ты в даль,
Иногда?

Не так ли, светло и упруго,
Летят наши дни на закат?..
В строке Забайкальского друга
Я времени слышу раскат!

Сшибаются струи кругами
И кругом идет голова,
И радостно грудь обжигают,
Как ветер полынный, слова.

И весь этот мир без изъятья
Оплакать захочется вдруг,
И женщины милой объятья,
И боль неизбежных разлук;

И юности вольные травы
С далеких июньских лугов,
Где шепот осенней отавы
Средь грузных, как думы, стогов...

Но как еще молодо тело!
Пусть время летит напролом,
Пока не запели метели,
Мы сами с тобою споем;

Прощальная горечь бокалов —
За встречу в грядущих пирах!

«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах...»

2002

Фамилия

Георгию Георгиевичу Сущих

Среди дел моих самых насущных
Вдруг собоюсь, улыбнусь на бегу:
Человека с фамилией – Сущих —
Позабыть я никак не могу.

Понимаю теперь —
 не случайно
В жизни мне на людей повезло...
Нас тогда глубоко привечало
В забайкальской глубинке село!

На излете путей центробежных
Слушал я родниковую речь,
Счастлив тем, что в краях порубежных
Душу песни сумели сберечь.

Вздох и выдох застолья единый
Вдруг ударит глубинной волной —
Той далекой и близкой – родимой,
Удалой горевой стариной!

Вздох и выдох застолья...
Россия...
Я невольной слезы не стыжусь,
Ведь не слабость,
А веру и силу
Дарит песен кандальная грусть.

В чем-то главном, единственном, слиться
Нам дано навсегда – не на миг...
Хлеборобов и воинов лица,
И – черты их вбирающий лик —
С потаенною думой во взоре,
Мощной выделки,
Лепки крутой,
Он – стола во главе —
Святогором —
Предколхоза с фамилией той.

Знать, тяжел председательский жребий —
Коренная из тысяч забот,
Не державная ль дума о хлебе
И на кратком досуге гнетет?

Не в такие ль надежные лица,
Доверяясь им в час роковой,
В сорок первом смотрела столица,
Провожая с парада на бой?

Поименно в колоннах несметных
На вопрос принадлежности: «Чьих?» —
«Сущих!
Русских!
Хоробрых!
Бессмертных!» —
Мог откликнуться каждый из них.

...Мне не надобны райские кущи —
Лишь бы где-то на краешке дня
Человек по фамилии Сущих
Среди дел своих
Помнил меня.

1981

Я тоскую по Сибири

Слава Богу, пособили
Мне товарищи-друзья:
Тосковал я по Сибири
Вот опять в Сибири я!

Вот опять гляжу с восторгом:
На полсвета – благодать!
Богатырские просторы.
Люди статью им под стать.

Забредешь с равнины в горы —
И не диво в том краю
Повстречать не Святогора,
Не Добрыню, так Илью!

Братцы, главное не омуль,
Не разлитое по всей —
Дома ль ты или не дома ль,
Если ты среди друзей?!

Если так по-русски щедро
Этим чувством дорожи!
Для тебя открыты недра
С чистым золотом души.

Я открытость эту чую,
Я найду приют везде
В Балаганске заночую
Или где-то в Усть-Уде.

Власть им здесь пилось и елось,
И жилось по всем статьям,
Так чего ж тут не сиделось
Нашим будущим вождям?

Говорю судьбе – спасибо!
Есть, душою широки,
Эти люди без прогиба —
Казаки-сибиряки.

С ними духом воспарю я,
Я с орлами – сам орел.
Будто родину вторую
Неожиданно обрел.

Мне оскомину не сбили
Заповедные края.
Я тоскую по Сибири,
Хоть еще в Сибири я!

2004

Песня сибирских казаков

Мы с Россией
Сибирь повенчали,
Нам Сибирь, словно мать дорога.
Мы Россию не раз выручали —
Мы достойно встречали врага.
Казаки-сибиряки, веселей!
Для врага
 стальной закуски не жалеи!
Нас не зря народ зовет —
 «сибиряки» —
Мы в бою непобедимы,
 казаки!
Боевая труба заиграла
И, смыкаясь в едином строю,
От Амура-реки до Урала
Собираем мы силу свою.
Стань, Россия,
 и сильной, и гордой!
Чтоб тебе не смогли угрожать,
Помни старое правило твердо:
Нам сухим надо порох держать!
Казаки-сибиряки, веселей!
Для врага
 стальной закуски не жалеи!
Нас не зря народ зовет —
 «сибиряки» —
Мы в бою непобедимы,
 казаки!

2001

Памятники

Гранит и бронза, гипс и мрамор —
Не прихоть памяти людской.
В живом порыве гений замер —
И время замерло с тоской.

В руке Господней не старея,
Не признавая счет веков,
Порой подшучивает время
Над суетой временщиков.

Всем верноподданным – спасибо!
Вновь обретя державный сан,
В Иркутске внемлет звон Транссиба
Царь русский —
Третий Александр!

Был строй, казалось, неизменен.
Проходят годы – не века, —
И сумрачно взирает Ленин
На адмирала Колчака!

2004

Восхождение на гору Моисея

Мой друг, безвременно лысея,
Произносил мне, как стихи:
– Взойдешь на гору Моисея
И все отпустятся грехи!

...Во тьме египетской округа
Была, как баня, горяча.
Я вспоминал с тоскою друга,
Молитву Господу шепча.

По циклопическим ступеням,
В бореньи с первобытной тьмой
Дорогу в скалах постепенно
Нашаривал фонарик мой.

От стен святой Екатерины,
Душой стремясь на горный свет,
Тропу монахи проторили,
Врубаясь в скалы сотни лет.

Они свой труд не довершили —
Ловушек много на пути.
Но я был должен до вершины
К восходу солнца добрести.

Ведь сам Господь на эту гору
В огне и громе снисходил.
Скрижали, грешникам на горе,
Здесь Моисею он вручил.

Но откровения Господни
Жестоковыйным не к лицу —
Увы, народ и посегодняя
Златому молится тельцу!..

И впереди, и сзади люди —
Знать, нагрешил не я один.
А кто устал —
 бери верблюда,
Пусть подшабашит бедуин.

Он, словно смерть, весь в белом —
 страшен!
Кто с привидениями смел?
Ты отшатнешься, ошарашен

От замогильного: «Кэ-мэл?»

Но и во тьме свет Божий светит!
Как ни был дух мой сокрушен,
Я до вершины на рассвете
Самостоятельно дошел!

А там, торжественно и славно,
В глухом молчанье гор
Звенел паломниц православных
Импровизированный хор.

И первый луч над миром прянул,
И расточился ночи мрак.
И «Слава в вышних Богу...» грянул
Могучий иеромонах!

...Вот так на пике Моисея
Своих грехов я бросил сеть.
А друг мой больше не лысеет,
Поскольку нечему лысеть!

2003

На Синае

(Монастырь Св. Екатерины)

Пуста библейская пустыня,
Но вот она передо мной —
Вот монастырская твердыня
С Неопалимой Купиной!

Вот – красоты неповторимой —
В гранитных стенах восстает
Приют святой Екатерины
И Православия оплот.

Сиянье истинного света
Неопалимой Купины
Полуторатысячелетье
Монастырем охранены.

Никто по воле Магомета —
Здесь грабежей не допустил,
Он сам, купцом переодетый,
Святыню эту посетил.

Поставил он своею дланью
Охранной грамоты печать,
Как знак того, что мусульмане
Должны святыню защищать.

Не преступали той поруки
До славы нынешних времен
Ни крестоносцы, ни мамлюки,
Ни турки, ни Наполеон.

Что помнить мудрость Магомета
Сто раз бы надо нам на дню —
Давно забыли бы на свете
Про взрывы, пули и резню.

...Во мгле сиреневые горы,
Они забылись вечным сном.
И гаснут слабые укоры
О кратком времени земном.

Вдруг звон могучий и раздольный —
И сердце вздрогнуло не зря:
Колокола на колокольне —

Подарок русского царя.

Звонарь трезвонит, дело зная,
И хор монашеский гремит,
И грудь мою среди Синая
Тоска по Родине томит.

Я прошепчу святое имя,
Земным поклоном поклонюсь —
У Купины Неопалимой
Я за Россию помолюсь.

Она сияет за горами,
Она во мне, она со мной —
Горит-пылает, не сгорая,
Неопалимой Купиной!

2003

Синайский воробей

Пожалуй, он нигде не оплошает,
До слез родной проныра – хоть убей! —
Смотрю, как сладко финики вкушает
На финиковой пальме воробей.

Наверняка по-русски разумея,
Чирикая, он сел на пляжный тент.
Да ты не из России ли, земля?
Или с двойным гражданством, диссидент?

Спасибо, ты мне Родину напомнил!
Пускай она отсюда не видна,
Хочу я, чтоб и ты душою понял:
У нас от Бога Родина одна.

Здесь нет зимы,
а там твои собратья —
Их греет и в мороз родимый дым!
Могу тебя на Родину забрать я —
Давай-ка завтра вместе полетим!

2003

Самоидентификация

Вятским рос ты или пермским,
Брянским иль сибиряком —
При мышлении имперском
Остаёшься русаком.

Но в славянском океане
Потерялся русский след:
Есть в России россияне.
Россияне.
Русских нет.

Слово «русский» под запретом,
Не с кем душу отвести!
Русский я.
Я буду – третьим.
Где двоих еще найти?

2008

Родник

Не умолкает ни на миг,
Ни на единое мгновенье —
Кипун-родник,
Кипун-родник —
Земли живой сердцебиенье!

Вот ты припал к нему, приник,
Напился вдосталь и умылся,
И прожурчал кипун-родник,
Что без тебя он здесь томился;

Что обезлюдел край родной,
А из ближайшей деревушки
За чудотворною водой
Теперь бредут одни старушки;

Что в сумасшедшей спешке дел
Ты постарел и сам в столице,
Но вновь душой помолодел,
Испив живой его водицы;

Тебе почувствовать дано:
Не меньше вечности мгновенье,
Когда сливаются в одно
Его с твоим сердцебиенье...

2002

В суходоле

В суходоле, живом и зеленом,
Где тебя окружили цветы,
Где колосья кивают по склонам,
Человек,
Что печалишься ты?

Что тебе в деревушке притихшей,
Где твоя загорелась звезда?
Тут уже ничего не напишешь —
В ней не будешь ты жить
Никогда.

Что же трогаешь ты подорожник
И колосья сжимаешь в руках?
Ты уехать отсюда
Не можешь
И остаться
Не можешь
Никак!

1977

«Там, где июль в лугах бушует...»

Там, где июль в лугах бушует,
Войду я около реки
Под сень серебряного шума
В береговые тальники.

Для счастья самого простого
Не так уж много надо мне:
На берегу
Уснуть у стога,
Побыть с собой наедине.

Для счастья самого простого —
Со мной, во мне, передо мной —
Державный,
Вечный гул простора,
Глубинный свет
Земли родной.

Я для любви еще не старый,
Но на исходе бытия,
Уж если я
Землею стану, —
Землей вот этой
Стану я!

1988

Эти милые сердцу пределы

Колокольчика вятского эхо

Помню детство – луга на полсвета,
Золотого июня зенит.
Сплю я в сене, и чудится – где-то
Голубой колокольчик звенит.

Сон-трава колоколилась пышно
Иль в полях голубеющий лен?
Или ангелы пели чуть слышно
Из-за облачных белых пелен?

Помню – юность с курчавою прядкой
На прощальный ступает перрон,
И вдогонку доносится с Вятки
Сиротливый немолкнувший звон.

В нем расслышать душа была рада,
Что отрадней всего было ей:
Не бубенчики дальнего стада —
Колокольчик калитки твоей!..

Где б я ни был, куда б ни уехал,
Но, призывно и нежно звеня,
Колокольчика вятского эхо
Настигало повсюду меня.

Голос родины с мягким укором,
Колокольчик, волнующий кровь, —
Я вернусь, я нагряну – и скоро! —
И любовью воздам за любовь!

1994

«И звон прошел по заводам и рекам...»

И звон прошел по заводам и рекам!
И вмерзло в лед рыбацкое весло.
Оранжевые лиственницы снегом,
Покровским снегом
За ночь
Замело.

И стало так торжественно
И пусто
В больничном
Белом
Замершем саду.
И я по хрусткой тропочке
С дежурства
В халате белом медленно бреду.

Мне хорошо.
Душа, светясь, стремится
На звон и свет
Начавшегося дня.
Еще ты письма пишешь.
И в больнице
Еще никто не умер у меня.

1970

Здравствуй, Родина!

Здравствуй, родина!
В звоне метельном
или в шуме летящей листвы
с вятским чоканьем
чудо-Котельнич —
град районный,
ровесник Москвы.
От перрона опять по порядку,
только брызнет,
искря, гололед:
слева —
в прятки играется Вятка,
справа —
поле за полем пойдет.
Разбегутся дорожные знаки
от смертельного свиста колес.
И в пространстве летящего мрака —
ощущение белых берез!
Глянешь соколом,
плечи расправишь, —
что нам в жизни-то надо,
мой друг:
наша родина, слева и справа,
и распева родимого звук!
Но уже впереди – ты запомни! —
золотое свеченье возшло.
Это брезжит мое Чистополье,
в чистом поле родное село...

1977

Чистополье

Долго тянутся леса.
Комары кусаются.
На опушке-развертушке
Волок расступается.
На угоре колокольня,
Кладбище.
А дальше сплюшь
За селом за Чистопольем
В чистом поле ходит рожь.
За селом за Чистопольем
Проливные плещут льны —
Или это синим полем
Небеса отражены?
На приволье, в чистом поле,
Будто крыльями взмахнешь:
Тут тебе
Четыре воли —
Выбирай, какую хошь!
Здесь родился,
Здесь я рос.
В Чистополье от берез
На душе светло,
 как в детстве,
Горько-радостно до слез...

1977

Раздумья на Родине

Поля, поля – родное Чистополье,
Пьянящий запах воли луговой!
Любовь моя к вам прорастает болью,
Травой забвенья и разрыв-травой.

На бой такую силу провожали —
Мужья, сыночки – любо посмотреть!
В мое село защитников державы —
Израненных – вернулась только треть.

Четыре года битвы той жестокой,
Забудет разве, кто их перенес?
Солдатской крови высохли потоки,
Но все бездонней море вдовьих слез!

А здесь в тылу – трагическая сага!
Историк, объясни в труде своем
Слова «налог», «агент уполминзага»,
«Недоимка», «подписка на заем».

И пусть тогда мы черный хлеб жевали —
Надеждой крепили город и село.
Хоть говорят, «не жили – выживали» —
Мы выжили всем недругам назло!

И как, фронтовики, случилось это:
Держава, Русь, великая страна
Разорвана, разута и раздета,
Унижена, ворьем разорена?

Вот почему по отчету приволью
Я прохожу с поникшей головой —
Село мое, родное Чистополье,
Пьянящий запах воли луговой!

2004

«Вон парнишка бежит босиком...»

Вон парнишка бежит босиком
Дальним полем,
Травой луговой.
Он с былинкою каждой знаком,
Золотой весь от солнца и воли.

Это я на заре бытия —
Мне понятны и глуби,
И выси,
Птичий щебет,
И пенье ручья,
Трав и листьев зеленые мысли.

За опасным и зрелым трудом
И за поиском призрачных истин
Мне всю жизнь
Будут сниться потом
Этот луг,
Это солнце
И листья...

1977

Родной электорат

Здравствуй, свет мой задушевный,
Пристань счастья и утрат,
Здравствуй, матушка-деревня,
Мой родной электорат!

Как теплом твоим я кровным
Вновь обласкан и согрет!
Этим избам, этим кровлям
Без недели тыща лет!

Тыщу лет в старинном стиле —
Плуг, да вилы, да топор.
Десять шкур с тебя спустили,
Но жива ты до сих пор...

Здесь среди фамилий старых —
Надо недругам учесть —
Есть фамилия Макаров
И Калашниковы есть.

Власть не ждет сюрприза снизу —
Я ж, судьбой твоей томим,
С головы до ног пронизан
Электричеством твоим.

Бог спасет уголья эти,
Лихолетье отвратит.
Ведь конец настанет света,
Если вдруг «закоротит»!

2004

Зарисовка с натуры

Самогонки залимоня —
Чтоб всё пело и цвело! —
По Ивановской с гармонью
Развернись, мое село!

– Я не знаю, как у вас,
А у нас в Котельниче —
Если дома нет ребят —
Сделают на мельнице!

Но не слышится частушка
У гулянья на краю:
Мужики – по кругу кружка —
Обсуждают жизнь свою.

– Сверху давят, давят, давят, —
Речь один ведет с колен, —
А деревня доедает
Без соли девятый хрен!

Рвет другой рубаху с маху:
– Мужики! Кто нас поймет?
И в деревне жизнь не сахар
Да и в городе не мед!

Зря ты, парень, рвешь рубаху —
Понапрасну не ярись.
Знаешь что – пошли всех на хрен,
Только сам не матерись!

Будем дальше жить, ребята —
Хватит плакать и стонать.
Сроду жили небогато,
Значит, нехрен начинать!

2000

В деревне

В России царствует разруха,
И, к ней привычная давно,
Как Богородица, старуха
Глядит в забытое окно.

В старинных стенах прокопченных,
Уже давным-давно одна,
Она детей своих ученых
Перебирает имена.

Ты встретишь взглядом
Лик иконный
И оправдаешься с тоской:
Не прирастает старый корень
На почве новой, городской.

Но ты приехал не за тем ли,
Чтобы понять, как дальше жить?
Хмель
Так обвил
Телеантенну,
Как будто хочет задушить!

2003

Письмо другу

Я душою покамест не вымер,
Одного только хочется мне:
Нам бы встретиться снова, Владимир,
На отеческой нашей земле.
В те края нам бы снова приехать,
Обретая забытый покой,
Где звенит наше детское эхо
Над веселою Вяткой-рекой.
Нет на свете людей задушевней!
На прадедовских стоя корнях,
Нас напоит-накормит деревня,
Вся в заботе сама о кормах.
Вся в работе, извечно творимой,
Жизни-доли своей не корит,
Слезы вышибет песней старинной
И частушкой лихой одарит.
Ты взглядишься в родимые лица
И поймешь в озарении лиц:
Настоящая наша столица
Здесь, вдали от великих столиц.
Здесь, едины душой и слезами,
Мы сойдемся, довольны судьбой,
Что родная земля нас связала,
Словно братьев крестовых, с тобой.
И, стаканы подняв не пустые,
Слыша радость живую в крови,
Будем вновь говорить о России —
О единственной нашей любви.

1981

«Сколько ж можно болтать и стограммить...»

Сколько ж можно болтать и
 стограммить
Под хмельную чечетку колес?
Я сумею
 состав
 застопкранить,
Я успею
 рвануть
 под откос!

Вы за горло меня не возьмете,
Мне на вас глубоко наплевать!
Ах, какие на поле ометы!
Я в ометы уйду ночевать.

Добреду я до теплой соломы,
С головою зареюсь в лучи.
И усну я спокойно, как дома,
Как у мамы на русской печи.

Не забыт он,
 не предан,
 не запит —
Родниковый отчизны исток...
Мне на Вятку, на Вятку, на запад!
А колеса стучат на восток.

1991

«Видно, так все и будет тянуть...»

Видно, так все и будет тянуть
в эти милые сердцу пределы.
Будто можно
хоть что-то вернуть,
что уже навсегда пролетело.

Будто можно вернуться туда
и зажечь, как жилось,
без заботы.
Время, время —
стучат поезда.
Время, время —
свистят самолеты.

Как же, время, тебя обогнать?!
И ревут,
и грохочут турбины,
чтоб меня от земли
оторвать
и умчать в голубые глубины.

Я поверить в свободу готов!
Но ищу,
проплывая над бездной,
среди галактик ночных городов
деревушки забытой созвездье.

Мне мерещится пламя костра.
Ребятишки в ночном у загона.
Тишина.
Предрассветье.
Роса.
Ржут в поскотине сытые кони.

Я сейчас одного подзову
и за гриву —
рывком незабытым.
Догоняй меня, время, — ау! —
Ахнув, кинется луг под копыта!

Только ветер в ушах
запоеет,
зазвенит над зеленым затишьем...
Гаснет искоркой мой самолет.
Как завидуют мне ребятишки!

1975

«У костра вкусна уха...»

У костра вкусна уха.
Речь красна у пастуха.
За пастушеской сторожкой
Ночь сиятельно-тиха.
Этой ночью сон не в сон,
Хоть как будто снится он —
Из коровьей загороды
Колокольцев перезвон.
И в наплывах тишина,
Словно землю – свет луны,
Вновь меня переполняет
Чувство отчей стороны.
Как весенняя трава,
Корневым чутьем жива, —
Снова я, воспрянув, слышу
Родниковые слова!
А пастух ведет с подходом,
Словно песню, что берег:
«Рыба посуху не ходит.
Ты, милочек, поди, продрог?
Ну-ка разом, разом, разом,
Чтоб не грызла грусть-тоска,
От коровки белоглазой
Молочка отведай-ка!»
Засыпаю в свежем сене.
Все еще костер горит.
Все еще пастух Арсения
Над стаканом говорит!

1980

В лугах

*На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал...*

А. Фет

Я вздрогну спросонок,
открою глаза,
От инея в сене хрустят волоса,
Сентябрьским туманом луга
затопило,
И, кажется, наземь сошли небеса —
Так близко и страшно
пылают светила!
Лежу на стогу у небес на виду.
Любуюсь-гляжу на большую звезду,
Которую трону рукой,
если встану.
Под утро
к загону на ошупь бреду.
В загоне мычит потревоженно стадо.
Костер у избышки остыл и потух.
Косится ворчливо Арсенья-пастух:
«Ну как не ругаться,
скажи ты на милость,
Пойди, соследи-ка ты этих пеструх —
Телушка-шалава взяла – отелилась!
Но будет, по видам,
коровка добра...»
Туманом стекая по стенкам ведра,
Густое молозиво чиркает тонко.
Я грею теленка, обняв, у костра
И звездочку глажу на лбу у теленка.
Курчавым сияньем исходит она —
Не в недрах Вселенной,
а здесь рождена —
Мне звездочка эта дороже небесной.
Она и потом,
в суете городской,
Приснится с улыбкой,
а может, с тоской,
До боли напомнив родимую местность.

1986

Забывтое кладбище

Печальные кущи забвенья.
Упавшие навзничь кресты.
Невольное духа томленье
Здесь горестно чувствуешь ты.

Ты здесь понимаешь впервые —
Но как это, как понимать? —
Что мертвыми стали живые
И некому их поминать.

Весь век на пределе пластались,
Судьбу земледельцев несли.
И вот — деревень не осталось,
И лесом поля заросли.

С округи родимой раздольной,
Где весело песни вились,
Как будто на праздник престольный,
Всем миром сюда собрались.

И я, им ничуть не мешая,
На празднике мертвом притих —
Их в сердце своем воскрешая
И грустно любя, как живых.

А души кладбищенской рощи
Под шум поднебесных ветвей
И реют, и радостно ропщут,
С душой обнимаясь моей.

2000

На берегу пустом...

Виталию Богомолову

Болит моя душа в постылом
отдалении
От материнских мест —
Уж столько лет подряд!
И вот хожу-брожу
В забытых снах деревни,
Шатаюсь по лугам куда
глаза глядят.

Стою, смотрю до слез
На синь озерных плесов,
И упаду в траву,
И памятью души
Услышу перезвон веселых сенокосов —
Вот здесь, на берегу,
Стояли шалаши!

Вот здесь, на берегу,
Я костерок затеплю,
Глаза свои смежу,
И в отблесках зари
Увижу, как идут,
Идут косою цепью,
По грудь в траве идут
враскачку косари.

А ведренный денек
Встает, дымясь в росинках.
И далеко видать —
Цветасты и легки,
пестреют на лугу
платочки и косынки,
А впереди – в отрыв —
Идут фронтовики.

...Вот здесь, на берегу,
В подлунном свете тонком,
В кругу встречались мы,
забыв-избыв дела.
И краше всех в кругу
была моя девчонка,
Гармонь моя в кругу
Звончей других была!

...Как отзвук жизни той,
Которой нет успенья,
Доносит до меня, не ведая препон,
Под шелест камыша и волн
озерных пенье,
Молитвенный распев
И колокольный звон.

И сердцем этот звон
Вдруг радостно восхитишь,
Воочью разглядишь —
до камушка на дне —
Звонит в колокола
невидимый град-Китеж
И главами церквей сияет в глубине!

Там все родное мне!
Вон мать идет с причастья.
Вон сверстники в лапту играют
Под крыльцом.
А ближе подойди —
расслышал бы сейчас я,
О чем на пашне дед беседует с отцом.

Он только что с войны.
Он был убит под Ржевом.
И на шинели след
от пули разрывной.
Он с дедом говорит —
Дед озабочен севом.
И вот сейчас отец
обнимется со мной!

И вся деревня здесь,
И вся родня – живая!
И вот уже поет
И плачет отчий дом!..
На берегу пустом,
лица не открывая,
Сижу и плачу я
На берегу пустом...

2000

Русская песня

В. К.

Помнишь, друг,
Как в родимом краю
Запевали застольем, бывало?
Подтяни мне,
А я – запою,
Как в родимом краю запедали.

Ты подтянешь,
А я – разойдусь,
Подголоском рванусь,
Замирая, —
Чтоб живая услышалась Русь
В этой песне из нашего края!

Чтоб ударила крепче вина
Буйной удалю,
Черной кручиной.
Нам как мать, —
навеки она —
С колыбели до часа кончины.

И душа перед ней не вольна —
Вместе с песней далеко уходит,
И слезой закипает со дна,
И любовью,
И мукой исходит...

1976

«И под каким я ни пребуду небом...»

И под каким я ни пребуду небом —
мне только б знать,
тревогу утоля,
что не скудеет песнями и хлебом
отеческая милая земля.

Мне только б знать,
мне только б сердцем вызнать,
что об ушедших
 больше слез не льют,
что ставятся там солнечные избы
и соловьи с наличников поют.

Что после стольких бед
в родном раздолье
настала золотая благодать...
А свет в окне родительского дома
мне отовсюду
и всегда видать.

1974

«Небо здесь назовешь небесами...»

Небо здесь назовешь небесами
И поймешь, что тебе повезло,
Обретя за глухими лесами
Эти пажити, поле, село.

...Можно жить с постоянной болью,
Но сияет надежда во мгле.
Слава Богу, мое Чистополье
Существует еще на земле.

Слава Богу, всем бедам перечая,
Край не пуст и душа не пуста,
Хоть пока
Иоанна Предтечи
Храм на взгорье встает без креста.

Но не зря над родными местами,
Охраняя родительский кров,
Из глубин поднебесных
Блится
Богородицы светлый покров!

2007

Если пристально в детство взглядеться

«Не в те ль времена Святослава...»

Владимиру Крутину

Не в те ль времена Святослава
В моем древнерусском краю
Я вижу,
Как мальчик кудрявый
Бежит босиком по жнивью.

Бескрайней подхваченный волей,
Держа в узелочке обед,
Бежит он по желтому полю,
Которому тысячи лет.

Известно уже мальчугану
Зловещее слово – война.
Отец его —
В битве с врагами,
Мать – в поле
с темна до темна.

Той давней,
Но памятной яви
Я, видно, забыть не смогу.
Не я ли тот мальчик,
Не я ли
В страду к своей маме бегу?

Не я ли тем августом ясным,
Хоть ростом всего с полснопа,
Стараюсь завязывать свясла
И ставить снопы на попа.

Не я ли,
У дня на изломе,
Колосья зажав в кулаке,
Уснул в золотистом суслоне,
Как в сказочном том теремке.

И мать,
моя мать-Россия —
Солдатка,
горюха,

вдова —
Над будущим пахарем-сыном
Склонилась в слезах у жнитва.

1974

Круговорот

Уж каркал ворон над Россией,
Когда отец мой
До зерна
Посеял поле ржи озимой.
И позвала его война.

И всколосилась даль сквозная
В четыре звонкие конца!
Когда косили рожь,
Отца
Скосила пуля разрывная.

Но каждый год,
Но каждый год,
Поднявшись нивой животворной,
Земной вершат круговорот
Отцом посеянные зерна.

1979

Ночлег

Дождливой ночью на глухом лугу
В потемках мы заканчивали метку.
Отужинавши с мамой всухомятку,
Заночевали мы в своем стогу.
Она вздыхала рядом, не спала,
И говорила с радостью усталой:
— Ну, вроде направляются дела, —
И под ноги мне сено подтыкала. —
Теперь Краснухе есть у нас сенцо.
Намаялся? Жидка еще силенка.
Эх, вот метали мы с твоим отцом...
Был годовалый ты, как похоронку...
Конечно, не запомнил ты его...
Накатывалась сладкая дремота,
Сквозь дождь
 кричала чернеть на болоте.
Но я уже не слышал ничего.

1966

Горох

Под опасливые вздохи
Мчимся в поле, чуть заря.
В сумки школьные гороху
Набираем втихаря.
С клеверища лезем краем,
По замежьям хоронясь.
Караулят поле – знаем.
Да поймай попробуй нас!
Для обману – как ни ловок,
Вдруг нарвешься, попадешь —
Красных клеверных головок
Вперемешку накладешь.
И до дому – впробегутки
Да с оглядками, дрожа, —
Ведь шутить не будут шутки
С нашим братом сторожа.
На деревне – голодуха.
Жарит зной.
Нейдут дожди.
Бригадир вздыхал Федюха:
«Недороду нынче жди».
И лепешки в эту пору
С черным куколем пекут.
И гороховое поле
Пуще глазу стерегут.
Мне – шесть лет.
Сестре – двенадцать.
Нам бы из поля уйти,
Нам до дому бы добраться,
Наши сумки донести.
И сестра меня торопит —
Дома будет что поесть.
Только слышим сзади – топот!
Догоняют. Так и есть!
Мне бы скрыться, провалиться
Хоть сквозь землю от него,
Словно в сказке, превратиться
Мне в козленочка того.
До деревни – двои гоны,
До дому – подать рукой,
Только нас он все ж догонит
И обыщет, гад такой!
И теперь уж не до сказок.
Я от ужаса реву.
Вот с коня объездчик слазит...

Все из сумок – на траву!
Так и вышло. Без гороха
Мы в слезах домой бредем.
Не во дни царя Гороха,
А в году сорок седьмом.
...Вдруг опять во сне затопит
Детским ужасом меня.
Убегаю.
Сзади – топот,
Топот страшного коня!

1977

Береза, иволга, звезда

И был я, радуясь находке,
Счастливым самым из людей,
В пропахшей сбруей конюховке
Читая клички лошадей.

Сияли в сумраке прогорклom
Слова, как детские года:
Соловушка, Ромашка, Зорька,
Береза, Иволга, Звезда.

Ах, конюх Федор свет Иваныч,
Меня, бездомного, согрей
И четвертинку, глядя на ночь,
За наше сретенье разлей.

Я закурю твоей махорки,
И поплывут, сменив места, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.